

Мальшев А. В.

Под крылом МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Экклезионимы как «маркеры»
пути Ивана Грозного
на Казань в 1552 году

Алексей Малышев

**Под крылом Михаила
Архангела. Экклезионимы,
как «маркеры» пути Ивана
Грозного на Казань в 1552 году**

«Эдитус»

2026

Мальшев А. В.

Под крылом Михаила Архангела. Экклезионимы, как «маркеры» пути Ивана Грозного на Казань в 1552 году / А. В. Мальшев — «Эдитус», 2026

ISBN 978-5-00217-747-9

Победоносный поход на Казань в 1552 году оставил немало загадок. С целью более точного установления мест царских стоянок, а также уточнения ряда положений в исследовании похода, в книге предлагается метод связанный с изучением религиозно-культурных топонимов (экклезионимов) расположенных на пути Ивана Грозного.

ISBN 978-5-00217-747-9

© Мальшев А. В., 2026

© Эдитус, 2026

Содержание

Введение	6
Как изучали поход	9
Культ Архангела Михаила	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алексей Малышев
Под крылом Михаила Архангела:
Экклезионимы, как «маркеры» пути
Ивана Грозного на Казань в 1552 году

© Малышев А. В.

* * *

Введение

Поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году, с последующим взятием оной, стал для русской истории переломным. После победы над Казанским царством Русь из удельного княжества сделалась тем, чем она является сейчас – многонациональным и многоконфессиональным государством.

Борьба Москвы с Казанью началась с самого основания этого мусульманского царства со столицей на месте слияния Волги и Камы. Средневожский регион был слишком лакомым куском, чтобы допустить наличие здесь конкурентов. К тому же со временем Казань, из-за тесной связи с Крымским царством, опосредованно сделалась орудием имперской экспансии османов.

При деде Ивана Грозного, великом князе Иване III, чаша весов стала склоняться в сторону Москвы. Сын Ивана III и отец Ивана IV Василий III упорно и настойчиво продолжал дело своего отца. Занимая средневожский транзит, он основал город-крепость Васильсурск на месте впадения в Волгу Суры.

Иван IV, едва укрепившись на московском троне, принял эстафету своих предков, стремясь окончательно покорить Среднее Поволжье. В 1547 году 17-летний великий московский князь Иван IV Васильевич под влиянием митрополита Макария венчался на царство. Это был сильный политический ход, так как за сто лет до этого под напором османов пал («обусурманился») Константинополь, что глубокой скорбью отозвалось в сердцах православных, и возведение московского правителя в цари делало его пастырем всех православных христиан от Запада до Востока.

Обретение царского достоинства также было важным шагом на пути присоединения Казанского царства к Москве, так как царством мог управлять только царь, и принятие монаршего титула делало Ивана IV полноправным претендентом на престол Казани.

Назрела и экономическая необходимость присоединения Поволжья к Русскому государству. По мнению историка М. Н. Покровского, с завоеванием обширных земель «помещики надеялись найти выход из земельной тесноты... интересы [помещиков] сходились с интересами торгового капитала. Если помещику нужна была земля под Казанью, то торговому капиталу нужна была Волга, как торговый путь из России на Восток, откуда тогда шёл в Европу шёлк и разные другие, очень ценившиеся в Европе товары. Помещики имели, таким образом, могучего союзника в лице торгового капитала»¹.

Тогда же, в конце 1547 года, был затеян большой поход к Казани, двумя колоннами. Одна колонна выступала из Владимира, и её возглавил сам Иван IV, другая – из Мещеры. Мещерской колонной руководил касимовский царевич Шигалей (Шах-Али) вместе с князем В. Воротынским. Местом встречи войск было назначено устье реки Цивиль². Однако погодные условия не позволили первой колонне добраться до цели. Впрочем, отряды Воротынского и Шигалея сухопутным путём дошли до казанских предместий и нанесли урон правившему тогда в Казани крымскому ставленнику Сафа-Гирею. Этот рейд мещерской колонны Шигалея мы ещё не раз вспомним в нашем повествовании.

Важным стратегическим шагом русского монарха в деле покорения Казани стало основание им в 1551 году Свяжской крепости вблизи оной. Как указал летописец, «Казанское царство покорися, и во всю волю отдался государю благочестивому царю нашему, а казанский царь и царица в руке его предашася, и крепкая их держава крымския князья и уланы и мирзы пленены быша православного царя нашего воинством. И благочестивый наш царь и государь

¹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1929. С. 56.

² ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. 1-я пол. С. 155.

град Казань вручил своему царю Шигалею со всеми казанскими улусы, а горная черемиса вся приложилась к новому сему граду Свяжскому»³. То есть в Казани стал править ставленник Москвы Шигалей, а воинственные черемисы присягнули на верность московскому царю.

Но Казанское царство сопротивлялось, хотя гибель его была неизбежна. Причина падения Казанского царства заключалась в нём самом. Бесконечные феодальные междоусобицы и жёсткая борьба придворных партий приводили на казанский престол то приверженцев Москвы, то сторонников Крыма и османов и вконец подорвали субъектность казанского трона.

В середине XVI века противостояние Казани и Московской Руси подходило к своему логическому завершению. Динамично развивающееся Русское государство готово было занять лидирующие позиции в Среднем и Нижнем Поволжье, а раздираемая внутренними противоречиями Казань, ища опоры во внешних силах – Крымском царстве и стоявшей за крымчаками Блистательной Порте, не могла противопоставить Москве ни организованную военную силу, ни внятную модель экономического развития.

Волнения в конце 1551 года в Казани, связанные с правлением Шигалея, ускорили развязку. В результате этих волнений в январе 1552 года к Ивану IV пришла делегация от казанской феодальной верхушки с просьбой избавить казанский трон от Шигалея. В противном случае казанцы угрожали «добыть себе государя из других земель». Следом Шигалей доложил в Москву, что казанцы «уже послали к ногаям просить другого царя», а сам он собрался выехать из Казани в Свяжск⁴.

Дело в том, что Шигалей, став казанским царём, обязался перед Москвой «лихих людей побити, а иных казанцев вывести, а пушки и пищали перепортити, и зелие не оставити»⁵. Касимовский царевич, стремясь подорвать самостоятельность казанской верхушки, перетянул на сторону Москвы большинство местных феодалов, но казанцы возмутились, когда Шигалей в открытую попытался передать власть московскому наместнику Семёну Микулинскому. Царевича из Казани выпустили, а Микулинского не пустили, перебив при этом оставшийся в Казани гарнизон.

Казань взбунтовалась, изменив присяге Шигалею и, соответственно, русскому престолу. После удаления из города Шигалея казанцы послали в ногайские улусы за новым царём. Черемисы и чувашы («горные люди»), присягнувшие было Москве, «отложились», вернувшись в казанское подданство.

Медлить было нельзя, и при царском дворе возникла идея летнего похода. Надо сказать, что до этого все походы на Казань осуществлялись зимой, из-за удобства зимних коммуникаций. Большой поход летом – дело рискованное, и вернувшийся в Москву Шигалей убеждал царя отложить предприятие до зимы, «потому что летом должно ожидать прихода других недругов, и потому что Казанская земля сильно укреплена природою, лежит в лесах, озёрах, болотах, зимою легче её воевать». Но решение было принято, и московский царь ответил своему невезучему казанскому визави, что «Бог и непроходимые места проходимыми делает, и острые пути в гладкие претворяет»⁶.

Летопись говорит о двух заседаниях – апрельском и июльском⁷. При этом на обоих заседаниях возникли серьёзные разногласия, которые очевидно отразились потом в жалобах царя на «насильное» обращение с ним в этом походе воевод и в ответных обвинениях от Андрея Курбского в «нецарском поведении» под Казанью. Впрочем, Иван IV действительно был молод,

³ Там же. С. 180–181.

⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен / Сочинения в 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1989. С. 445–446.

⁵ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 64.

⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен / Сочинения в 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. С. 449.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. 1-я пол. С. 177, 191.

и нет ничего удивительного в том, что «старшие товарищи» где-то его «подправляли», а где-то и подавляли на него.

Весной и летом 1552 года в Москве было принято решение «закрыть» казанский вопрос окончательно, хотя, как мы увидим в дальнейшем, Шигалей оказался прав и «другие недруги» в лице крымских царей действительно пытались даже не сорвать эти планы, а пожить добычей в Москве, надеясь, что русское войско занято Казанью. М. Г. Худяков писал: «когда русская армия выступила в поход против Казани, царь Даулет с крымским войском и турецкими янычарами неожиданно для русских вторгся в Россию и быстро дошёл до Тулы»⁸.

Набег крымцев был ожидаемым, и в «приговоре» было сказано: «царю идти на своё дело и на земское к Казани и как ему своего дела беречь от своего недруга, от крымского царя». Не случайно местом сбора войск была назначена Коломна, откуда при необходимости можно было повернуть к южным окраинам Руси⁹. «Расчёт хана Даулета не удался: он полагал, что русское войско успело уже продвинуться на восток и что путь на Москву свободен. Ввиду приближения значительных русских сил, осада Тулы была прекращена и хан Даулет отступил»¹⁰. Крымцы были отброшены, опасность удара с тыла была снята.

Тщательная подготовка к летнему походу свидетельствовала о том, что русское правительство решило остановить бесконечную чехарду чингизидов – претендентов на казанский престол и узурпировать корону Казанского царства. Ведь до 1552 года пор противостояние Москвы и Казани шло исключительно в «династических» рамках. То есть победитель усаживал на казанский трон своего ставленника, делая, таким образом, Казанское царство своим сателлитом. Но в этот раз, после победы, Иван IV провозгласил себя казанским царём, прервав эту «династическую» игру.

Такой шаг вызвал громадное недовольство его политических оппонентов: поляки и литовцы не признавали Ивана IV царём, тем более не хотели называть его казанским царём крымцы. Было даже прекращено сношение с польским двором. Несмотря на недовольство соседей, казанская корона стала достоянием московского трона, а решающим аргументом Ивана Грозного стало то, что «Казанского государства титул царский Бог на нас положил», то есть он указал на действие самого Провидения.

Летний поход к Казани был для московской армии новым испытанием: как сказано выше, до этого все подобные крупные военные предприятия осуществлялись зимой. Тем не менее этот последний, решающий поход стал для русского оружия победоносным и навсегда вошёл в историю страны и нашего региона, через территорию которого был осуществлён.

Наше исследование будет посвящено изучению маршрута победоносного похода Ивана Грозного на Казань. Ни у кого не осталось сомнений, что данный поход имеет для истории России не только военное, но и культурологическое, и даже духовное значение. Поход царя принёс в Среднее Поволжье свет христианства, православную культуру, открыл новую страницу в истории этого региона, навсегда сделав его частью Великой России. При этом не нарушил конфессионального разнообразия региона, подтвердив мирный характер русской экспансии, заложившей основы существования современной многонациональной и многоконфессиональной России.

Детали похода, его подробности по-прежнему актуальны для изучения. История победоносного похода 1552 года – важная веха истории России, её фольклорного и культурного наследия, что особенно актуально в связи с приближающимся в 2027 году 475-летием этого события.

⁸ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 149.

⁹ Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 233–234.

¹⁰ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 149.

Как изучали поход

Основным этапом победоносного похода к Казани летом 1552 года стал путь от Мурома к Свияжску. При этом места стоянок войска московского государя подробно указаны в Патриаршей летописи. Тем не менее сам маршрут похода давно уже является камнем преткновения для исследователей, и споры о нём ведутся до сих пор. Особенно это касается отрезков от 3-го стана до 4-го и от 5-й стоянки («на Авше реке») до 13-го стана («на Большом Саре»), также невыясненными остаются места стоянок от 15-й («на речке Кивати») до самого Свияжска. Между тем актуальность уточнения маршрута остается востребованной как для проведения дальнейших исследований, так и для развития туристического потенциала регионов.

Исследования по уточнению маршрута русского войска по территории современных Нижегородской и Ульяновской областей, республик Татарстан, Мордовия и Чувашия начались ещё в XIX веке. Во второй половине XIX века (видимо, в связи с 300-летним юбилеем похода) его обстоятельства изучали П. И. Мельников и архимандрит Макарий (Н. К. Миролубов)¹¹. При этом они предлагали разные версии продвижения царского войска. Макарий, кроме всего прочего, составил перечень церковной утвари, связанной с памятью о походе Ивана IV¹².

В 1890 году генерал-лейтенант Русской императорской армии В. О. Трофимов посвятил данной теме доклад, сделанный в казанском офицерском собрании¹³. В начале XX века работу о походе Ивана Грозного в пределах Нижегородской губернии выпустил И. А. Милотворский¹⁴. Касался этого вопроса в своих трудах арзамасский краевед Н. М. Щегольков¹⁵.

В 60-х годах XX века тамбовский археолог П. Н. Черменский, анализируя маршрут царского похода 1552 года, сделал важные уточнения, опередившие своё время¹⁶. Он первым обратил внимание на то, что маршрут похода московской армии частично соответствовал маршруту ногайских послов через Среднее Поволжье к Москве в 1489 году¹⁷. Об этом будет сказано в своём месте.

¹¹ Макарий (Миролубов Н. К.). Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного против Казани в 1552 г. чрез Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечаниями о походах его чрез другие уезды. Основано на предании // Россия XVI века: Казанский поход и эпоха Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. С. 188–203; Мельников-Печерский П. И. Путь Иоанна Грозного / Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. С. 177–188.

¹² Макарий (Миролубов Н. К.). Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. 701 с.

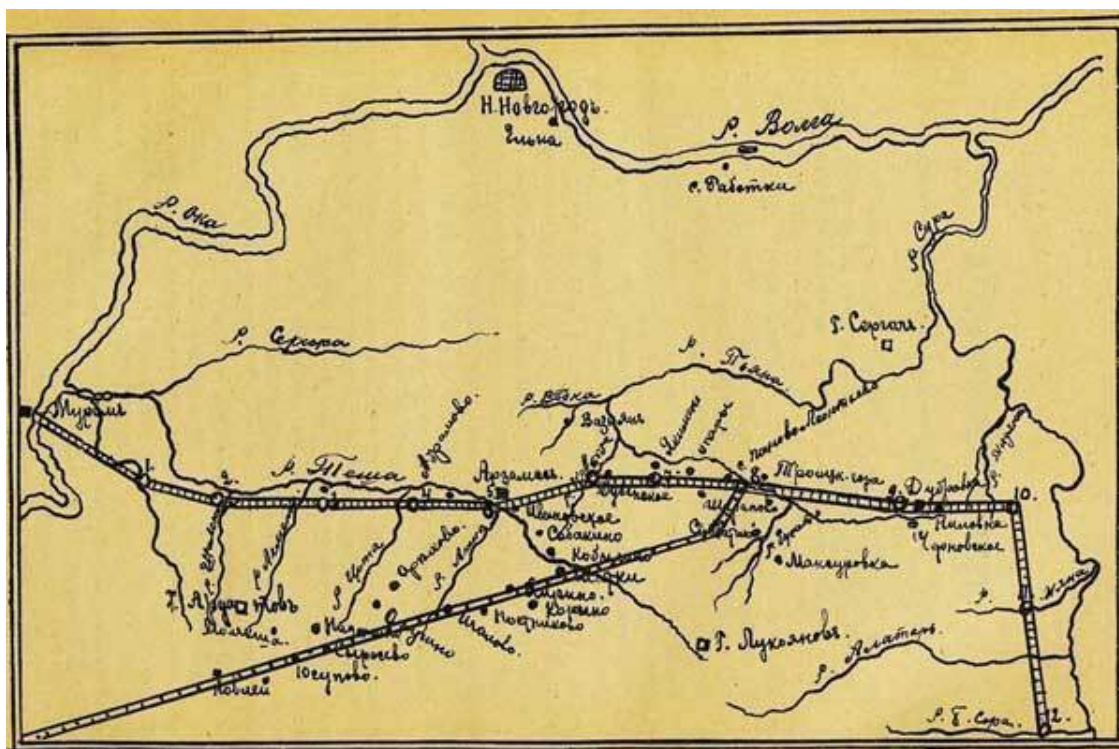
¹³ Трофимов В. О. Поход под Казань, ея осада и взятие в 1552 году. Казань, 1890. 114 с.

¹⁴ Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г. Н. Новгород, 1912. 23 с.

¹⁵ Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. 273 с.

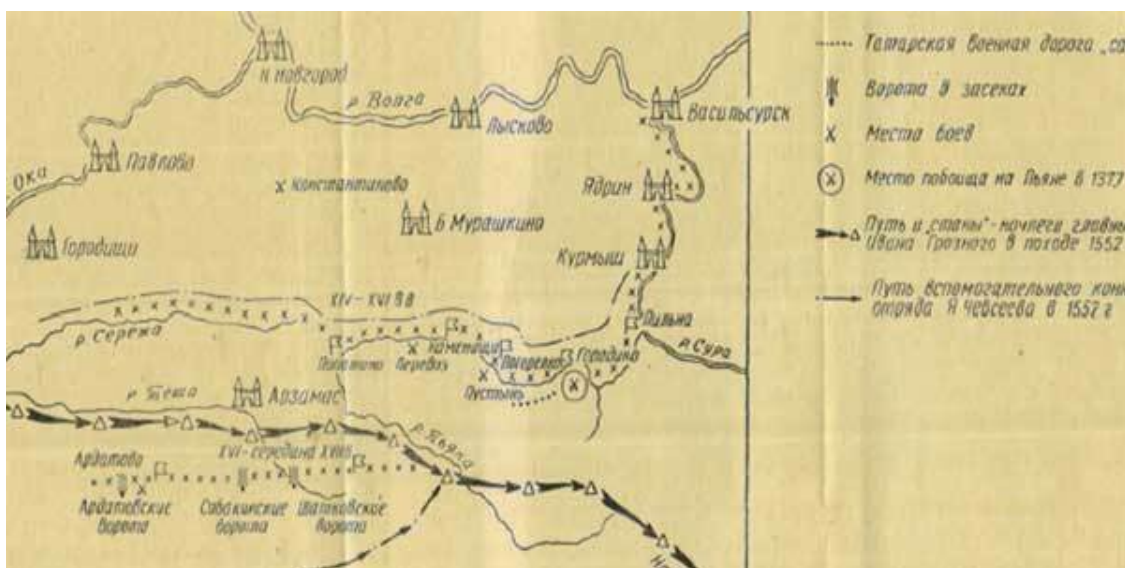
¹⁶ Черменский П. Н. Пути сношения Москвы с Поволжьем через Мордовию // Труды МНИИЯЭЛ. Вып. XXXIV. Саранск, 1968. С. 185–193.

¹⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 41 (1). СПб., 1884. С. 81.

Реконструкция маршрута царского похода 1552 года, сделанная И. А. Милотворским. Взято: Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г. Н. Новгород, 1912. С. 23

В 80-е годы XX века энтузиасты С. Лотырев и С. Потапов проехали по летописному маршруту Ивана Грозного в пределах тогдашней Горьковской области, собирая сохранившиеся среди населения предания о походе. Их путешествие описал известный горьковский краевед И. А. Кирьянов¹⁸.

Реконструкция царского маршрута, сделанная И. А. Кирьяновым. Взято: Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 8–9

¹⁸ Кирьянов И. А. По пути Ивана Грозного // Памятники Отечества. 1988, № 1. С. 117–119.

В 2000-е годы работы исследователей XIX века прокомментировал арзамасский филолог Ю. А. Курдин, который также внёс свою лепту в уточнение перипетий данного похода¹⁹. Нижегородский историк, профессор Ф. А. Селезнёв в своей «Истории Нижегородского края» достаточно подробно коснулся вопроса движения царского войска через юг Нижегородской области²⁰. Занимался царским маршрутом нижегородский ученый А. М. Орлов, предложивший его оригинальную трактовку, связанную с тем, что царь по пути вынужден был отклоняться от маршрута для борьбы с местными татарами²¹. С ещё более оригинальной версией выступил арзамасский историк А. С. Петряшин²². Большую работу в этом направлении ведёт директор Шатковского краеведческого музея, историк А. А. Инжутов; важные уточнения маршрута сделал исследователь из Санкт-Петербурга Е. И. Парадеев, предложивший и использовавший новаторские методы²³.

Тем не менее по сию пору многие детали этого похода остаются не выясненными до конца. В частности, среди исследователей нет единодушия в отношении маршрутов переходов царского войска и особенно в отношении мест его стоянок.

Реконструкции маршрутов похода (в пределах Арзамасского края), предложенных исследователями, выполнены Ю. А. Курдиным и Я. Ю. Курдиным. Взято: Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края / Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас, 2005. С. 134

¹⁹ Россия XVI века: Казанский поход и эпоха Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. 275 с; Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края / Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас, 2005. С. 121–150; Курдин Ю. А. Загадки Акшинского стана // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сб. статей под ред. В. И. Грубова, А. А. Исакова. Арзамас, 2023. С. 4–28.

²⁰ Селезнёв Ф. А. История Нижегородского края с древнейших времён до конца XVI в. Н. Новгород, 2014. С. 169–174.

²¹ Орлов А. М. Нижегородские татары. Этнические корни и исторические судьбы (очерки). Н. Новгород, 2001. 242 с.

²² Петряшин А. С. От Муромы до Свяжска: военный поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году / Русское междуречье. Альманах. Вып. 1. Н. Новгород, 2020. С. 107–122.

²³ Исследовательский проект об Арзамасском уезде XVI–XVII веков. URL: <http://paradeev.com/> (дата обращения 06.10.2024).

Надо сказать, что в XIX веке, с лёгкой руки П. И. Мельникова, «маркерами» победоносного похода Ивана Грозного стали называть курганы-мары, во множестве имевшиеся тогда в Среднем Поволжье. На I съезде археологов России П. И. Мельников поделился своим мнением о происхождении этих рукотворных холмов. Он полагал, что данные мары остались по маршруту похода 1552 года и использовались как сторожевые или надгробные насыпи, а также служили способом подсчёта личного состава русского войска, когда царь «каждому ратнику приказывал насыпать шапку земли и сваливать её в одно место». П. И. Мельников упомянул местные легенды, связывающие происхождение этих курганов с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 году, указав, что местные жители искали в курганах клады или богатые захоронения, но ничего, кроме углей, осколков керамики, а в некоторых случаях частей человеческого скелета, не обнаружили²⁴. Уже потом, в своём исследовании о походе Ивана Грозного через южную часть Нижегородской губернии, П. И. Мельников неоднократно подчеркивал, что мары были насыпаны войском Ивана Грозного²⁵.

Однако учёные отнеслись к этой версии со скепсисом. Уже на съезде прозвучали сомнения в прямой связи курганов-маров с походами русских армий, так как изучение многочисленных курганов показало их разнородность²⁶. С практической точки зрения необходимость таких сооружений в качестве пунктов наблюдения или ориентиров вызывает сомнения, так как предки, безусловно, знали более эффективные и менее трудозатратные методы и способы. И уж тем более не имеет под собой оснований история с подсчётом количества солдат таким способом. Письменные источники нигде не указывают на то, что русские дружинники использовали подобные методы выяснения численности личного состава. Тем не менее с той поры насыпикурганы в пределах Среднего Поволжья связывали с походами Ивана Грозного на Казань. Схожую версию происхождения курганов-маров повторили архимандрит Макарий и И. А. Милотворский.

Например, Макарий писал, что курган у села Онучино (Дивеевский район Нижегородской области) указывал на путь царя. И называл мары «обыкновенными памятниками его станов»²⁷. В свою очередь, Милотворский впрямую связывал наличие маров со следами царского похода, полагая, что таким образом царь подсчитывал количество солдат своей армии. Каждый боец ссыпал в одно место шапку земли, и по величине холма определялось число воинов. В другом месте исследователь, ссылаясь на народные предания, говорил, что это могилы солдат, погибших в походе²⁸. Подобная точка зрения на происхождение курганов-маров до сих пор в ходу, особенно в краеведческой среде.

Археология не подтвердила связь маров с царским походом. В XIX веке раскопки маров проводились Л. Далем, А. Гациским, В. Майновым. Л. В. Даль (сын В. Даля) проводил археологические изыскания в курганах у села Саблуково, найдя в них «черепки от горшка с углями, и горшок с узорчатыми краями»²⁹. Раскопки, проведённые археологом-самоучкой П. Дружки-

²⁴ Мельников-Печерский П. И. Мары или курганы в губерниях Симбирской, Нижегородской и Казанской / Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869 г. Под ред. А. С. Уварова. М., 1871. С. 159–162.

²⁵ Мельников-Печерский П. И. Путь Иоанна Грозного на Казань в пределах Арзамасского края / Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. С. 181, 186, 187.

²⁶ Протоколы заседаний археологического съезда VII / Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869 г. Под ред. А. С. Уварова. М., 1871. С. XII–XL, LXXVII–LXXVIII.

²⁷ Макарий (Миролюбов Н. К.). Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного против Казани в 1552 г. чрез Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечаниями о походах его чрез другие уезды. Основано на предании / Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас, 2005. С. 194, 200.

²⁸ Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г. Н. Новгород, 1912. С. 10–11, 17.

²⁹ Гациский А. С. О задачах корреспондентов избираемых предварительными комитетами археологических съездов / Труды Четвертого археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884. С. 29–36.

ным, показали, что в курганах близ Городца и Балахны находились всё те же горшки с углем, зола и кости животных. Но вот находки в курганах около села Малое Терюшево (Дальнеконстантиновский район Нижегородской области) позволили напрямую связать курганы-мары с мордвой. По собранным П. Дружкиным легендам, ещё в старину около этих курганов, называемых «мордовскими могилами», собиралось окрестное мордовское население на моления, «приводились быки и разный скот на жертвоприношения». В курганах были обнаружены захоронения с конём, снабжённые украшениями и оружием. По мнению археологов, они принадлежали мордве и были произведены не позднее XIV века³⁰.

В начале XX века исследователь поволжских народов С. К. Кузнецов предположил, что «большинство тех местностей, в которых курганные насыпи называются “мары”, имели в древности мордовское население». Он указал, что скопление маров пользовалось особым почитанием у мордвы, «которая, наравне с черемисами, приносила в жертву своим предкам около этих маров лошадей и быков через известные крупные промежутки времени, причем всякий раз добавлялась насыпь на курганах». Он допускал, что мары – это родовые памятники мордовских племён.

В доказательство С. К. Кузнецов привёл строки из донесения, где говорится о вооружённом столкновении «инородцев с русскими во время поминок, совершавшихся на одном из подобных маров», где оные «инородцы» обстреляли из луков русских крестьян, попытавшихся посмотреть на обряд³¹.

Действительно, в документах Разрядного приказа имеется донесение алатырского воеводы Д. Толочанова от 20 сентября 1629 года, в котором описаны данный обряд и инцидент, случившийся во время его проведения. Опрошенные впоследствии мордвина показали, что действительно «после Великодня, на семик, в деревне в Новых Чукалях была... мольба над их родители, по вере осыпали землю – мар; а были на той мольбе Арзамасская и Нижегородская мордва с женами и с детьми... А была де такая мольба тому лет с пятьдесят и больше; а никакого воровского умышления у них не бывало...». При этом допрашиваемые подтвердили, что в прошлом году «после Великодня на другой неделе в четверг» была такая же мольба «в Алатурском уезде в дер. Ордатове, да в дер. Кечушеве, да в дер. Урусове, да в дер. Тегингееве»³².

Из текста становится ясно, что общие «родовые» моления о поминовении родителей регулярно проводились у мордвы ещё и в первой четверти XVII века. При этом моления каждый год проводились в другом месте, но обязательным их атрибутом было «осыпание» мара. Отсюда следует допустить, что не обязательно курган-мар имел древнее происхождение. Зачастую такие мары создавались во время молений, как подобие древних могильников.

Сведения о подобном мордовском обряде насыпания мара были зафиксированы в народных преданиях. Согласно этим преданиям, в округе нижегородского райцентра Лукоянова находится мордовская языческая святыня – курган Кшекуравай («горбушка хлеба»). Это холм привозной «родовой» земли, натасканной сюда представителями мордовских родов во время общих молений. По легенде, насыпанная земля указывала на многочисленность рода (чем больше холм, тем многочисленнее тот или иной род), откуда и пошли, вероятно, легенды о подсчитывании личного состава царского войска. Очевидно, что многочисленные курганы-мары, разбросанные по территории Среднего Поволжья, в местах бывшего расселения мордвы, есть не что иное, как следы её «родовых» молений.

Предки мордовских народов хоронили своих покойников в курганах. Постепенно мордва сменила способ захоронения, но помнила, что в курганах покоятся их предки, включив под-

³⁰ Приложение Б / Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Под ред. Д. Н. Анучина. Т. X. М., 1885. С. 34–40.

³¹ Кузнецов С. К. Русская историческая география: Мордва. М., 2017. С. 25.

³² Акты Московского государства. Т. 1: Разрядный приказ, Московский стол, 1571–1634 гг. Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Акт № 264. С. 296–297.

сыпку маров в свои обряды. Переселившись на другое место, мордвины насыпали свозимую с разных мест обитания землю в «новодельные» мары, символизирующие собой курганы-захоронения, также подсыпая их при последующих молениях³³. Мары не следует привязывать к походам русского войска, а то обстоятельство, что они встречаются по пути похода Ивана Грозного, можно объяснить тем, что царская армия следовала по известному с древности маршруту – торной дороге-сакме, вдоль которой и селились с незапамятных времён мордовские роды.

Свою версию происхождения маров предложил профессор А. М. Орлов. Он высказал мнение о том, что курганы-мары на самом деле являются могилами кочевников, заселявших южную часть современной Нижегородской области. Орлов указал, что множество курганов находилось в окрестностях татарских селений Нижегородской области, что, по его мнению, свидетельствует о том, что на этой территории «не позднее конца XIV – начала XV веков были захития тюрков-кочевников... обряд захоронения в курганах-марах был распространён среди кипчаков (половцев) в эпоху язычества, до принятия ислама. С распространением ислама среди народов Золотой Орды эти языческие обряды уже не выполнялись»³⁴. Орлов, оппонируя предшественникам, пересмотрел некоторые сегменты царского маршрута, связывая их с историей нижегородских татар-мишарей.

Впрочем, и его версия не делает курганы-мары тем, чем их считали исследователи XIX века, – «маркерами» похода Ивана Грозного. Очевидно, что мары не имеют никакого отношения к этому событию.

Помочь в уточнении маршрута похода Ивана IV могли бы многочисленные легенды о нём, бытующие среди населения Среднего Поволжья, однако и тут исследователи столкнутся с известными трудностями. Народная популярность первого русского царя послужила тому, что эти легенды пережили последующие события смуты и народных восстаний, однако эта же популярность способствовала тому, что легенды о царском походе можно услышать даже в тех местах, где Иван Грозный никогда не был, – например, в Заволжье³⁵. Как правило, эти легенды связаны с народной этимологией топонимов, и зачастую жители просто связывали возникновение своих селений и их названий с известным историческим персонажем, каковым является Иван IV, безотносительно того, бывал он в их местах или нет³⁶. В этой связи нельзя абсолютно уповать на достоверность подобных легенд, следует относиться к ним критически, сопоставляя с другими данными. Тем не менее наличие легенд о прохождении Ивана Грозного по той или иной местности всегда является дополнительным подтверждением других данных.

К любопытным выводам, не согласующимся со многими заключениями коллег, пришёл в результате своих исследований А. С. Петряшин. Впрочем, в его выводах сумма предположений перевешивает сумму доказательств, и многие положения остаются спорными. Тем не менее Петряшин первым из исследователей взялся за изучение всего маршрута похода Грозного царя, сделав попытку проследить его по территории не только Нижегородской области, но и Мордовии, Чувашии, Татарстана, Ульяновской области.

³³ Малышев А. В. К вопросу происхождения курганов-маров в Нижегородском Поволжье // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн. Сб. ст. под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Н. Новгород, 2014. С. 133–140.

³⁴ Орлов А. М. Нижегородские татары. Этнические корни и исторические судьбы (очерки). Н. Новгород, 2001. С. 104.

³⁵ Нижегородские маришцы. Сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. С. 141; Ветлужский летописец. Сост. Н. В. Морохин. Кострома, 2017. С. 56–59.

³⁶ Малышев А. В. Отражение похода на Казань 1552 года в «народной» этимологии топонимов Нижегородского Поволжья // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн. Сб. статей под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Н. Новгород, 2022. С. 79–85.

Реконструкция А. С. Петряшина. Взято: Петряшин А. С. От Мурома до Свияжска: военный поход Ивана Грозного на Казань в 1552 году / Русское междуречье. Альманах. Вып. 1. Нижний Новгород, 2020. С. 121

Пытаясь восстановить маршрут похода 1552 года, другой наш современник, петербургский исследователь Е. И. Парадеев, создал метод реконструкции старинных дорог позднего Средневековья, сделав упор на данные документов XVII века. Он пришёл к выводу, что границы земельных наделов, как и административные границы, в целом оставались неизменными во времени, провозгласив этот принцип универсальным. Делая привязку «координат», указанных в средневековых документах, к современным картам, Е. И. Парадеев проложил маршруты и обозначил царские стоянки.

Безусловно, административные границы в Российской империи часто проводились по рубежам вошедших в состав империи политий, да и само вхождение новых земель обычно не предполагало их административно-территориального переоформления. Я. Е. Водарский отмечал, что в трети случаев «граница в XVIII веке прошла по межам XVII века... и не изменилась», в другой трети «граница XVIII века... приблизительно точно отражает размежевание уездов». Изменений старых границ, по мнению учёного, вообще не наблюдалось, так как в оставшейся трети случаев между территориями соседних уездов имелась незаселённая «промежуточная территория»³⁷.

Согласно методу Е. И. Парадеева, дороги были частью границ или пересекали их, поэтому дороги можно довольно-таки надёжно привязывать к современным картам. Сделанная им реконструкция была оформлена в книгу «Пара слов о царёвой сакме»³⁸. Вкратце авторская концепция сводится к тому, что ключевых дорог было несколько, и на основании указаний документов первой половины XVII века можно определить, по какой из них двигался русский царь.

Парадеев обобщил все упоминания дорог (сакм) и установил их на местности, предложив затем путь, который, по его мнению, наилучшим образом подходит под маршрут царского

³⁷ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1977. С. 145.

³⁸ Парадеев Е. И. Пара слов о царёвой сакме. СПб., 2019. 92 с. URL: <http://paradeev.com/>.

войска. Безусловно, данный метод является прогрессивным и наиболее информативным, тем не менее он имеет изъяны, о которых будет сказано в своём месте.

Автор данного исследования предлагает ещё один метод. В путешествиях по территории Среднего Поволжья возникло наблюдение, что в местах, которые прочились исследователями в места размещения походных станов Ивана Грозного, как правило, установлены (или были установлены) храмы во имя Архангела Михаила. При этом сами эти места зачастую являлись когда-то значимыми для древних язычников – коренных жителей Среднего Поволжья, служили им капищами, молянами или были их древними селениями. Мысль о том, что это явление закономерно, привела к написанию данного исследования. Названия религиозно-культурных объектов в топонимике обозначены как *экклезионимы*, и экклезионимы Михаила Архангела могут являться своеобразными маркерами похода 1552 года на Казань.

Темы церковного строительства Ивана Грозного по пути его следования на Казань касалась историк Н. В. Большакова³⁹. Она обобщила литературные материалы о построенных молодым царём церковных сооружениях «в одну цепочку от Троице-Сергиева монастыря до Казани», отметив при этом, что «само церковное строительство на территории четырёх губерний – Владимирской, Казанской, Нижегородской и Симбирской – во время похода протяжённостью около 900 км, безусловно, является уникальным явлением нашей истории, неизвестным ни до Ивана Грозного, ни после». Исследователь обратила внимание на повторяемость некоторых экклезионимов на пути Ивана IV, указав, в частности, что на обратном пути из Казани по территории нынешней Владимирской области царём были основаны церкви, посвящённые одному празднику – Преображению Господню, однако дальше общих рассуждений не пошла.

Мы же предполагаем, что подобная практика использования царём при освящении создаваемых в языческих краях новых храмов имени одного и того же небесного покровителя может указывать на определённые идеологические установки, связанные с походом. С целью более точного установления мест царских стоянок, а также уточнения целого ряда положений в исследовании царского маршрута, до сих пор остающихся дискуссионными, в данной работе мы предлагаем метод, связанный с изучением экклезионимов, расположенных на этом «царском пути».

³⁹ Большакова Н. В. Церковное строительство Ивана Грозного по пути следования его войска в Казань в 1547–1552 гг. / Уваровские чтения – V. Муром. 14–16 мая 2002. Под. ред. Т. Б. Купряшиной и Ю. М. Смирнова. Муром, 2003. С. 142–148.

Культ Архангела Михаила

Мы полагаем, что «главным» небесным покровителем, в честь которого освящались храмы в языческих землях Среднего Поволжья летом 1552 года, был «Грозный Небесный воевода» Михаил Архангел. Основным доводом в пользу этого может служить то, что называется религиозным наполнением царского похода на Казань в 1552 году.

От предыдущих казанских походов Ивана IV этот отличался тем, что московский государь проходил по землям, ещё не вошедшим окончательно в состав его царства, населённым язычниками и «бусурманами» – «инородцами», нередко враждебно настроенными к христианам. В свою очередь, в задачи русского правительства, кроме военной составляющей, входило крещение этих «инородцев», являвшееся, безусловно, миссией православного царя.

Свет христианства, несомый Иваном IV, ко многому обязывал православного монарха. Сам молодой государь (на момент похода ему исполнилось 22 года) был, судя по всему, человеком очень религиозным и глубоко верующим, даже до степени некоторой экзальтации, о чём говорят религиозные видения, периодически случавшиеся с ним. Эти видения имели для юного Ивана IV большое значение и часто являлись руководством к действию. Например, в летописи говорится, что город Свияжск был основан на месте, которое государю было указано в видении⁴⁰.

Известно, что перед походом царь усердно молился в кремлевских храмах, в «великой церкви Пречистая Богородица» и в «близ ту стоящу церковь великого чиноначальника архистратига Михаила, в нем же лежат умершие родители его, и прародители»⁴¹.

Уже будучи в походе, командуя отражением набега крымских татар, в Коломне Иван IV долго и со слезами молился перед иконой Божией Матери «Донская»⁴². На протяжении похода не оставляли молодого царя видения, связанные с христианской тематикой.

Разумеется, данный поход, как и в целом русско-казанское противостояние, не имел характера «крестового похода» против «неверных», хотя историки царского периода, начиная, наверное, с автора «Казанского летописца», подобный характер пытались ему придать. Например, Г. З. Кунцевич писал, что «со времени Куликовской битвы борьба с татарами приобрела на Руси значение крестовых походов»⁴³. Осмелимся усомниться в данном тезисе, так как самой природе восточного христианства чужда идея крестовых походов против кого бы то ни было, тем более против «бусурман».

На Московской Руси XVI века отношение к исламу и его носителям было исключительно терпимое, гораздо более терпимое, чем, например, к католичеству. Очень много мусульман служило в царском войске, вспомним страту «служилых татар», подавляющее большинство которых были мусульманами, или существование в самом центре московских земель вассального исламского государства – Касимовского царства.

В целом, кроме мусульман в московской армии было много воинов других конфессий, а по пути на Казань Иван Грозный охотно принимал в своё войско язычников. Летописец указывал, что «Поиде царь... х Казани со многими и языци речёнными, служащи ему, с Русью, и с Татары, и с Черкасы, и с Мордвою, и со Фряги, и с Немцы, и с Ляхи, в силе великой тяжце зело»⁴⁴. Мы убеждены, что противостояние Москвы и Казани шло в рамках борьбы за золотоордынское наследство и преследовало главным образом экономические интересы: для полно-

⁴⁰ Казанский летописец / Царская правда. Иоанн Грозный. Сост. В. Г. Манягин. М., 2009. С. 230.

⁴¹ Там же. С. 241.

⁴² Там же. С. 243.

⁴³ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 410.

⁴⁴ Казанский летописец / Царская правда. Иоанн Грозный. С. 246–247.

ценного развития экономики страны царю необходимо было завладение всем волжским путем до устья Волги.

Тем не менее религия в обществе того времени играла ведущую роль, и любые действия монархов так или иначе обуславливались религиозными мотивами, в том числе мотивами эсхатологическими, представлявшими эти действия как часть борьбы с силами зла⁴⁵. Тем более что, как указал историк М. Г. Худяков, в декабре 1546 года, после смены одного за другим правительств Бельского, Шуйских и Глинских, Иван IV объявил себя совершеннолетним и приступил к управлению государством, власть фактически перешла в руки русского духовенства во главе с митрополитом Макарием. Очень образованный, прекрасно знающий русскую литературу, выдающийся государственный деятель, политик и мыслитель, митрополит Макарий с 1547 года фактически стоял во главе Русского государства. Со ссылкой на Р. Ю. Виппера Худяков пишет, что «Десятилетие 1542–1553 годов можно с известным основанием назвать эпохой клерикальной политики. Все реформы, все вопросы практической жизни получают направление от высшего духовного авторитета... Так, борьба с дикими степными кочевниками, с Крымом и Казанью... проповедуется в качестве крестового похода против неверных, лежащего великим долгом на совести молодого царя»⁴⁶.

Не случайно Андрей Курбский в своих трудах обосновывал военные действия против Казани как борьбу за веру, сравнивая казанцев с «измаилтянами» – библейскими племенами язычников, которые наряду с народами моав, едомов и агарян выступают в Писании врагами Господа и богоизбранного народа⁴⁷. Вдобавок отметим, что в казанском плену томились десятки тысяч православных единоверцев, уведённых в рабство во время набегов на Русь, что, конечно же, усиливало религиозное значение борьбы с Казанью. Церковь в лице митрополита всея Руси Макария трактовала эту войну как святое, Божие дело, направленное к обращению «безбожных» и «поганых» в христианство и к освобождению пленников из неволи, воинов же, павших в этом священном походе, – как мучеников за веру⁴⁸.

Напомним, что в январе 1547 года Иван IV венчался на царство. Его новый титул царь («цесарь») ассоциировался у подданных с библейскими царями, «помазанниками Божиими», а трон сделался «престолом». Очевидно, что новый статус возлагал на обладателя этого престола новые обязанности, связанные не только со сбережением, но и с распространением православия. Перед походом, на заседании боярской думы в апреле 1552 года, Иван IV сказал: «Никак не могу трепети христианства гиблюща, еже ми предано отъ Христа моего... аще увидит Христосъ веру нашу неотложну, отъ всех (врагов. – Прим. авт.) избавит нас»⁴⁹

⁴⁵ Михайлова И. Б. «Казанское взятие» и эсхатологические представления Ивана Грозного // Матвей Кузьмич Любавский: к 150-летию ученого. Сб. статей. Ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2013. С. 207–208.

⁴⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 125, 126.

⁴⁷ Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского. Сост. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 6.

⁴⁸ Худяков М. Г. Указ. соч. С. 150.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. 1-я пол. С. 178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.